

В.В. Ведерников

К вопросу о характере производственных взаимоотношений между Кольвано-Воскресенскими (Алтайскими) и Нерчинскими заводами в 1746–1850 гг.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Берг-коллегия, горный округ, горнозаводское производство, Кольвано-Воскресенские заводы, Министерство финансов, Нерчинские заводы, серебро, свинец.

Key words: Altai mining district, berg-collegium, mining district, mining production, lead, Kolyvano-Voskresensk foundries, Ministry of Finance, Nerchinsk foundries, silver.

Искусственный разрыв между историей Кольвано-Воскресенских (Алтайских) и Нерчинских заводов, заложенный еще в дореволюционной историографии, привел к тому, что представления о взаимоотношениях обоих производственных комплексов до сих пор носят очень схематичный характер: осуществлялись поставки нерчинского свинца на Алтай и обмен кадрами между регионами. Поставки свинца на Алтай подробно освещены В.Н. Разгоном. Что же касается обмена кадрами, то этот вопрос изучен слабее, но он не столь принципиален. Горные инженеры, служившие в разных частях страны, хорошо знали друг друга, потому что были выпускниками Горного института, где проходили курс наук с 13 лет до 21 года.

Вообще, по сравнению с историей отечественной черной металлургии, металлургии меди и производством золота, сереброплавильное производство менее изучено. После монографии З.Г. Карпенко исследователи лишь время от времени касались вопросов производства. «Описание Кольвано-Воскресенских заводов до 1833 г.» Кулибина заложило основу историографии цветной металлургии дореволюционного Алтая. На этот труд опирался народник П. Голубев в своей статье «Горное дело и хозяйство Кабинета». Оба эти сочинения, в свою очередь, были взяты за основу З.Г. Карпенко, таким образом, последующий исследователь оставался в рамках выводов, сделанных предшественником. Иная ситуация сложилась вокруг Нерчинских сереброплавильных заводов. Вклад дореволюционной историографии здесь значителен. В 50–60-е гг. прошлого века историей Нерчинского завода в первой половине XVIII в. занимался читинский исследователь В.Г. Изгачев. В целом цветная металлургия Восточного Забайкалья изучена менее полно.

Факты свидетельствуют о начале складывания единого производственного комплекса Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов в середине XVIII в. после того, как в 1746 г. состоялась первая поставка нерчинского свинца. После взятия Нерчинских заводов в ведомство императорского Кабинета

в 1787 г. этот процесс приобрел более четкие очертания благодаря тому, что управление Нерчинскими заводами было переведено «на те же основания», на каких управлялись заводы Кольвано-Воскресенские. И, наконец, в 10–30-х гг. XIX в. сложилась весьма своеобразная хозяйственная схема, в которой Алтайские заводы своими прибылями покрывали убытки заводов Нерчинских. Это признавалось на официальном уровне. В 40-е гг. XIX в. данная схема еще существовала по инерции, пока успешное развитие казенной золотопромышленности в Нерчинском горном округе в начале 50-х гг. XIX в. не подорвало добычу серебряных руд.

До 1745 г. серебро в империи плавил только Нерчинский завод, но после приезда комиссии Беэра на Алтай и пробных плавок руд Змеиногорского месторождения, ситуация стала быстро меняться. В 1747 г. в Россию прибыло саксонское посольство, в составе которого были и горные специалисты, что далеко не случайно и было связано с оправданными надеждами, которые возлагались на Змеиногорское месторождение золотистого серебра. Начиная с 1747 г. горное дело на Алтае начинает быстро развиваться. Решающую роль в этом сыграли саксонцы. С этого времени саксонцы появляются на Нерчинских заводах. После этого производство серебра здесь также возросло. Если в 1743–1745 гг. производилось 14–16 пудов серебра, то в 1747 г. – 35 пуд., в 1748 г. – 75 пуд., в 1749 г. – 83 пуд. [1, л. 1].

Алтайские серебряные руды содержали свинца меньше, чем требовалось для извлечения. Комиссия 1744–1745 гг. А. Беэра плавила серебряные руды Змеиногорского рудника в медеплавильных печах Кольванского завода, использовав на первый раз для извлечения привезенный немецкий свинец. Дальнейшее использование импортного свинца не имело перспективы прежде всего из-за дороговизны доставки. Нерчинские же руды содержали свинец в таком большом количестве, что ежегодно 500 пудов свинца доставляли в Петербург для артиллерии, до 700 пудов свинца продавали партикулярным людям или выменивали у купцов на товары. А глета еще оставалось столько, что иногда его выбрасывали в отвал, где он крошился и перемешивался с почвой, либо его сливали в формы и получали свинки (крупные слитки), которые выкладывали для ограждения хлебных магазинов вместо забора с расчетом в случае перебоев с рудой использовать их вместо свинца.

20 мая 1746 г. из Нерчинского завода в Барнаул было отправлено 3774 пуд. 19½ фунтов с каптенармусом Иваном Волковым и с «подрядчиками заводскими крестьянами» 680 пудов 30 фунтов, всего 4455 пуд. 9½ фунтов. Второй раз свинец был отправлен 12 января 1747 г. 5012 пуд. 7½ фунтов [2, л. 5].

Таким образом, имело место хорошее стратегическое инженерно-организационное решение о переброске свинца из того региона, где был его избыток, туда, где его не хватало. Масштабность проекта просто поражает. Согласно данным той эпохи, расстояние от Санкт-Петербурга до Барнаула составляло 4328 верст, от Барнаула до Нерчинска 3180 верст, от Нерчинска до Нерчинского завода – 148 верст [3, л. 5]. От Нерчинского завода до Удинской слободы свинец доставляли приписные крестьяне, подведомственные канцелярии Нерчинского горного начальства, отсюда до Удинска свинец доставлялся в зачет подушного оклада крестьянами, подведомственными Нерчинской воеводской канцелярии. Зимой через «брацкую степь» на верблюдах свинец перевозили «брацкие хоринцы» (буряты) с «немалым изнеможением» из-за отсутствия приспособлений для перевозки груза. От Удинска до Барнаула свинец поставляли подрядившиеся купцы.

Скоро на Барнаульском заводе убедились, что это был собственно не свинец, а глет – оборотный продукт серебряной плавки, содержащий более 30% вредных примесей, который нельзя было использовать в плавке напрямую, так как это вело к вздыманию печной набойки, поднятию со дна печи воздушных пузырей, которые лопались на поверхности. Брызги металла могли попасть в глаза и на руки рабочим, а также привести к пожарам, так как в ту эпоху строительным материалом служила исключительно древесина.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства не уставала указывать Нерчинским заводам на необходимость перечистки глета, но действовало правило: «Нерчинские заводы содержатся не для получения свинца, но для выплавки серебра и свинец по избытку оных там руд при выплавке серебра остается как ненужный минерал» [2, л. 266об.].

С 1751 г. (год смерти Беэра) новым командиром заводов стал заместитель Беэра А.И. Порошин, но он предпочитал управлять заводами из Петербурга. Это сказалось на производительности: в 1751 г. Колывано-Воскресенские заводы (в дальнейшем – КВЗ) дали 366 пуд. серебра, а в 1760 г. – 264 пуд., т.е. едва ли не на треть менее. Истощались запасы лесов в ближних дачах Колыванского завода, углублялись разработки Змеиногорского рудника, не хватало мастеровых и приписных крестьян, не доставало и ежегодно ассигнуемых сумм на содержание заводов. Управляющий императорским Кабинетом барон Черкасов не уставал сообщать об этом императрице, но его доклады оставались без последствий, пока в 1757 г. ему на смену не пришел А.В. Олсуфьев. Новый глава Кабинета,

молодой и энергичный, «настоятельно просил императрицу так или иначе решить судьбу заводов» [4, с. 335]. В 1759 г. он с помощью Порошина составил обширный доклад о расширении производства на КВЗ, который императрица, наконец, утвердила спустя два года, в 1761 г.

Основные изменения касались Колыванского завода, его предполагалось закрыть, но, по общему правилу, закрытие одного завода следовало компенсировать строительством другого. Поэтому с 1762 г. началось строительство Ново-Павловского серебряноплавильного завода. С другой стороны, было решено разделить металлургию серебра и меди, перенести производство последней на отдельный завод. Поэтому с 1762 г. начинается строительство Нижне-Сузунского медеплавильного завода, а с 1764 г. – и монетного двора. Примечательно, что строительства как можно большего числа заводов в этот раз еще не планировали, хотя в своем первом отчете в 1745 г. А. Беэр сообщал императрице, что на Алтае строить заводы можно до тех пор «пока мест не переведется» [5, л. 5а].

Заводской год делился не на кварталы, а на трети – январскую, майскую и сентябрьскую соответственно. Поэтому примерно с 70-х гг. XVIII в. алтайское серебро отправлялось на Санкт-Петербургский монетный двор трижды в год, отсылался металл, выплавленный за очередную треть заводского года. Любопытны данные ведомости о действии Барнаульского завода за сентябрьскую треть 1754 г. На приход было записано 6914 пуд. красной меди, черной меди – 1860 пуд., купферштейна и роштейна из медистых руд – 5773 пуд. [6, л. 59об.–61]. Медь и полуфабрикаты медной плавки, накапливаясь год от года, подготовили почву для решения о строительстве специального медеплавильного завода.

В 1757 г. управление Нерчинским заводом было передано Никифору Клеопину. В 1760 г., когда Клеопин просил отставки по старости, была учреждена Нерчинская экспедиция под управлением вице-губернатора Вульфа. Обе меры не принесли желаемого результата на фоне успехов Кабинета на Алтае. Между тем, ответить должным образом на расширение Колывано-Воскресенских заводов, подведомственных Кабинету для Берг-коллегии, видимо, было делом чести. В 1761 г. была учреждена должность главного командира Нерчинских заводов. Завод в современном понимании этого слова был один, но состоял из трех плавильных фабрик, или «заводов». Главным командиром стал В.И. Суворов, двоюродный брат прославленного полководца. Совместно с судьей монетной канцелярии Шлаттером в 1760 г. ему было поручено составить инструкцию. Она была утверждена в 1764 г. с многочисленными резолюциями самой Екатерины II. В этой инструкции, по выражению Зябловского, было собрано все лучшее, что было предприсано «в инструкциях в высочайших именных указах, состоявшихся до того

времени для начальников заводов Екатеринбургских и Кольванских... было собрано и помещено в инструкцию главному Нерчинскому начальнику» [7, с. 223]. По инструкции Суворов наделялся неограниченными полномочиями, все делалось в интересах производства, которым он успешно управлял в течение 12 лет. Нерчинские заводы получили, наконец, собственное заводоуправление – канцелярию Нерчинского горного начальства при Нерчинском заводе.

Нерчинские заводы были «обнажены людьми», там было в пять раз меньше рабочих рук, заводы действовали на конной тяге, а не на водяном колесе, как Кольвано-Воскресенские. Подталкиваемая честолюбием Берг-коллегия подняла производство и на Нерчинском заводе, а на проект Кабинета ответила в 1760 г. строительством Дучарского, а в 1764 г. – Кутомарского заводов. В 1762 г. был предпринят и поиск медных руд в Агинской степи, однако руды в тех местах оказались бедными. В целом прослеживается единая общегосударственная стратегия развития сереброплавильной отрасли. Об этом свидетельствует «зеркальное» соотношение количества Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов и заимствование Берг-коллекгией подходов Кабинета.

В первые дни восшествия на престол Екатерины II Сенат сделал ей представление («о крайнем недостатке денег в казне»). Вскоре сама императрица вынуждена была признать: «Нигде ныне денег нет, что и правда» [8, с. 423–424]. Но на 1767–1772 гг. приходится пик производства серебра, к которому впоследствии ни КВЗ, ни Нерчинским заводам не удастся даже приблизиться.

Прежде всего, увеличение производства серебра на КВЗ требовало увеличение поставок нерчинского свинца. В.И. Суворов развил в своих промемориях к Кольвано-Воскресенскому начальству пышную риторичку и указал, что дефицит свинца в алтайских рудах – сугубо внутренняя проблема КВЗ, отказал в поставке 15 тыс. пудов свинца вместо 10 тыс., повысил отпускную цену с 90 коп. в 1761 г. до 1 р. 10 коп. в 1762–1764 гг. Берг-коллегия повторила доводы Суворова о том, что обязательные поставки 15 тыс. пуд. свинца приведут к сокращению производства на Нерчинских заводах, а затем и вовсе к его угасанию. Прямое вмешательство императрицы свидетельствует о том, что ситуация достигла «точки кипения». Екатерина II собственноручно написала на инструкции Суворову, что Кольванской и Нерчинской вотчинам одна помещица, что было адресовано и Суворову, и Берг-коллекгии; она велела поставлять свинец «без малейших оговорок», в цену свинцу полагать только сумму, затрачиваемую на расплавку глета в свинки, для доставки использовать купеческие подряды [2, л. 245–247].

В 1767 г. Нерчинские заводы вдруг дали рекордную выплавку 628 пудов. В 1768 г. резко усиливается до-

быча руды на Змеиногорском руднике. О том, что это была нерациональная и нахрапистая выемка лучших руд, мы узнаем из доноса шихтмейстера Василия Чулкова на управляющего Змеиногорским рудником Иоганна Лейбе [9, л. 12–672]. Добыча богатейших руд Змеиногорского рудника позволила в 1772 г. достичь рекордного за всю кабинетскую горнозаводскую эпоху объема годовой выплавки серебра – 1277 пуд. Все же это не помешало начальнику Нерчинских заводов В.И. Суворову хвалиться, что хотя численность населения Нерчинских заводов в пять раз меньше, объемы рекордной выплавки меньше всего лишь в два раза. Субъективный фактор погони за рекордами начальников заводов сыграл здесь одну из ведущих ролей. Но такой подход был бы невозможен без схватки честолюбий Кабинета и Берг-коллекгии. Но все делалось за счет лучших руд, добытых с поверхности. Поэтому падение производства в последующее время выглядит закономерным.

Наделение главных командиров заводов неограниченной властью привело к злоупотреблениям. Личные качества А. Ирмана оказали негативное влияние на моральный дух в среде горных инженеров, служивших на КВЗ. Они, по выражению управляющего Кабинетом Олсуфьева, «были застрашены недоступным высокомерием и суровостию бывшего командира... Не меньше сего и по той же господствовавшей там доньине самовластия неограниченного суровости примечено и в большей части горных офицеров такое же, можно сказать, общее уныние и робость» [10, л. 557, 672]. Своим поведением Ирман спровоцировал крупный конфликт с Кабинетом, игнорировал коронное ведомство, обращаясь напрямую в Сенат и даже досаждая императрице «пакетами о делах заводских». К 1778 г. накопилось довольно много фактов «неслыханного самовластия» Ирмана. Гнев императрицы вызвало чрезмерное привлечение к заводским работам приписных крестьян, хотя манифестом от 23 мая 1779 г. заводские работы, исполняемые приписными крестьянами, были определены достаточно точно. Не стерпев, императрица заявила, что не намерена терпеть в Сибири царьков. По вопросу об отставке Ирмана Олсуфьев отозвался однозначно: «нет в том затруднения никакого» [11, с. 46–47].

Суворов не запятнал себя злоупотреблениями. После того как он подал в отставку «за болезнью», его сменил В.В. Нарышкин. Именно Нарышкин перевел Нерчинские заводы на водяное действие. В 1776 г. от наливного колеса заработали меха Дучарского завода, после в течение трех лет плотины были устроены на всех заводах. Но затем начались чудачества. Привыкший к роскошной петербургской жизни Нарышкин, расточительный столичный вельможа, искал таких же развлечений в «нерчинской жизни». Растратив заводскую казну на разбрасывание денег в толпу и праздники, Нарышкин прибежал к займам, но, будучи

избалованным, по водящейся за ним столичной привычке, долгов не возвращал. Из тунгусов Нарышкин без ведома императрицы сформировал тунгусский гусарский красный эскадрон и отправился в Иркутск. Заезжая в деревни по пути следования, Нарышкин созывал народ, поил его водкой, забранной из питейных заведений, бросал в толпу казенные деньги, взятые из Нерчинского комиссарства, растратил таким образом 60,5 тыс. руб. По пути Нарышкин останавливал купеческие караваны и отбирал товары, чай, сахар, сукно, холст, бочки водки с выдачей расписок на свое имя. Казенное серебро шло на пуговицы мундиров гусарского полка, сформированного из тунгусов и бурят, и на украшения конской сбруи. Когда Нарышкин и его красный полк вернулись на Нерчинский завод, губернатор Немцов приложил усилия к неясному расформированию эскадрона и изъятию артиллерии. Нуждаясь в деньгах, Нарышкин затребовал их у Удинской канцелярии на счет заводов. Воевода Тевяшов денег не дал и сделал так, чтобы из Удинска Нарышкин выехал. На дороге Нарышкин был задержан и отправлен в Иркутск к губернатору Немцову, а тот отправил его под конвоем в Петербург, и тогда же направил курьера с донесением о «незаконных и дерзких делах» Нарышкина [12, с. 335–347].

После подавления пугачевского восстания в 1775 г. для усиления государственной власти на местах была проведена губернская реформа. Вероятно, злоупотребления властью главных командиров Кольванов-Воскресенских и Нерчинских заводов были не последним мотивом к тому, чтобы их власть существенным образом была урезана.

Губернская реформа в Сибири началась с образования в 1779 г. Кольвановской области, в 1783 г. область была переименована в губернию. В 1783 г. было образовано Иркутское наместничество и Нерчинская область вместе с заводами в его составе. Казенные палаты управляли заводами только на бумаге. Ни генерал-губернатор, ни губернатор, ни вице-губернатор не знали заводского дела, потому что раньше им не занимались. Специалисты, заседавшие в горных экспедициях при казенных палатах, ничего не могли поделать, так как были связаны «строгостью канцелярского порядка», так как палата обращала внимание на форму, а не на существо дела. Горное дело пришло в упадок и на Урале, и в Сибири [13, с. 42].

В 1780 г. на КВЗ было произведено 802 пуда, а в 1782 г. – 400 пудов. Сама императрица заметила упадок заводов [14, с. 127]. В 1785 г. вернулись к идее единоначалия в управлении металлургическими предприятиями. Была учреждена горная экспедиция Кольванов-Воскресенских заводов, управление ею вверялось Гавриле Симоновичу Качке. В 1786–1799 гг. он стал главным начальником КВЗ. До своего назначения на Алтай он занимал должность управляющего Санкт-Петербургским монетным двором. К тому же Качка

был венгром по национальности. Его назначение на Алтай не было ссылкой. Здесь он провел важнейшую реформу горного дела – переход от саксонской жильной разработки к сплошной выработке по примеру Нижней Венгрии. На Змеиногорском руднике был введен передовой венгерский метод обогащения руды мокрым толчением и отсадкой на решетках. Геолог Гривнак, посетивший Алтай в начале 1870-х гг., указывал, что все рудники Алтайского горного округа напоминали ему разработки Нижней Венгрии XVIII в. [15, с. 172–173], откуда родом был отец Качки и первый его учитель в горном деле. Доведя в 1798 г. ежегодное производство до важнейшей психологической отметки 1000 пуд., Г.С. Качка выполнил поставленную задачу и сразу покинул КВЗ.

В период с 1764 г. в Нерчинском горном округе были построены Шилкинский (1769), Екатерининский (1777), Газимурский (1778) и Александровский (1792) заводы, а также Петровский чугуноплавильный и железодельный завод (1789). Первый чугун завод дал в 1790 г. Причем разливка в формы осуществлялась при большом скоплении народа. Также с 1776 г. действовал частный сереброплавильный завод купца М. Сибирякова. В Кольванов-Воскресенском горном округе были построены Алейский (1774), Локтевский (1782), Гавриловский (1794) заводы, а также Томский чугуноплавильный и железодельный завод (1777).

При Качке на Алтае не было проведено реформы металлургии, хотя плавил руды гораздо более бедные, чем прежде. Но вперед выдвигается В.И. Чулков, на наш взгляд, полный преемник Качки, хотя он и не фигурирует в историографии в подобном качестве. Первые опыты обработки декоративных камней были проведены при Качке на Локтевском заводе, начальником которого был В.И. Чулков. На время руководства Чулкова приходится строительство шлифовальной фабрики в Кольвани (1802), хотя историография эту заслугу отдала непосредственному руководителю строительства фабрики Ф. Стрижкову и первому ее управляющему. Для увеличения расплавки в 1803 г. был построен Змеевский завод, пущенный в действие в 1804 г.

При Чулкове была осуществлена реформа металлургии, заключавшаяся в переходе с крумофенов на полуввысокие шахтные печи. Первые полуввысокие шахтные печи были построены еще в правление Качки в 1798 г. на Локтевском заводе Андреем Бичтовым. К 1803 г. Бичтов под руководством Чулкова перестраивает печи на всех заводах. Заслуги Бичтова оценил управляющий кабинетом граф Гурьев. В 1804 г. он удостоил алтайского металлурга личной аудиенции, сказав при этом: «...и я желал бы служить при заводах с такими чиновниками, с коими служит ваш господин начальник» [16, л. 447об.–479 об.].

За счет перехода с крумофенов на полуввысокие печи на Алтае происходило поддержание ежегодного

производства на уровне 1000 пуд. в год при падении содержания серебра в Змеиногорских рудах: в 1795–1803 гг. растрчивалось 180 пуд. рудного серебра, в 1809–1815 гг. – 250 пуд., в 1825–1830 гг. – 580 пуд. [17, л. 186]. Эта реформа составила основу умеренного прогресса сереброплавильной промышленности Алтая в период аренды.

О том, что усиление производства должно осуществляться за счет увеличения расплавки руд, Качке стало понятно уже в 1786 г. Ему пришлось оправдываться перед П.А. Соймоновым: «Количество проплавляемых нами руд по справедливости велико... Да и рудник Змеиногорский... не в таком изобилии обрабатываемых руд как с начала вступления моего в управление здешними местами уверяем был, но увидел, да поздно» [18, л. 37об.]. Также стало ясно, что расход нерчинского свинца должен значительно вырасти. Так, например, в конце 1780-х гг. наряд свинца Нерчинских заводов измерялся 25 тыс. пуд. Тот факт, что в результате губернской реформы Нерчинские заводы больше не относились к ведомству Берг-коллегии, позволил Кабинету взять их в свое ведомство в 1787 г., управление ими передавалось новому главному начальнику Егору Егоровичу Барботу де Марни. В период управления Е.Е. Барбота де Марни (1787–1796) формируется новая производственная проблематика. Лучшие руды были вынуты из верхних слоев месторождений при В.И. Суворове. В 1770-е гг. впервые столкнулись с невозможностью заготовить запас руд на заводских площадях для годового действия. Это влекло за собой остановку заводов и переброску части плавильщиков на рудники. Уменьшение запасов руд и припасов при заводах началось с 1776 г. С 1780 г. началась практика плавки руд «сколько их добудется и поставится на заводы» [19, л. 43об.].

Уже не хватало руд, чтобы загрузить все наличные печи. Как признается источник: «да иногда и надежды к тому не было, по причине, что некоторые из рудников истощились, а другие затоплены водою и закипели льдом. А притом ни на одном заводе запасных руд не находится» [20, л. 51об.]. В 1785 г. из 47 печей на Нерчинских заводах действовало только 30. В 1790 г. случилась особенно большая недоплавка руд по исчерпанию рудников и из-за засухи. К тому же как минимум половина заводского стада полегло зимой 1789–1790 гг. в результате эпизоотии. Было недоплавлено 114,5 тыс. пуд. руды как по неимению вольных возчиков, так и из-за летних ливней, «дороги отнявших». В итоге в 1791 г. было недополучено более 119 пуд. серебра. В этот год Нерчинские заводы принесли первые убытки, которые в последующем станут хроническими.

Доля легкоплавких руд уменьшалась, в то время как доля трудноплавких – возросла. Суточная расплавка руд на одной печи в 1790 г. составляла 140 пуд. (а к 1830-м гг. суточная расплавка руд снизилась

до 70–100 пуд.). Для сравнения, на КВЗ в сутки расплавляли до 250 пуд. руды [21, л. 4–5].

Когда в 1790 г. И.И. Черницын прибыл в Петербург из Барнаула с караваном серебра, ему было приказано отправиться в Нерчинские заводы, но по пути предписывалось прибыть в Барнаул и составить с начальником Кольвано-Воскресенских заводов Г.С. Качкой «связь сих обоих заводов на пользу высочайшего интереса»; по прибытии в Нерчинск совместно с начальником тамошних заводов Эллерсом определить, сколько стоит посылать на КВЗ серебристого свинца, т.е. полуфабриката серебряной плавки и сколько посылать чистого, или «умягченного» свинца.

Будучи начальником Нерчинских заводов в 1797–1802 гг., Черницын сделал множество постановлений, касавшихся всех вопросов горнозаводского производства, всех его участков: горных, заводских, подсобных работ, извоза и проч., включая снабжение хлебом. Более поздний источник, обнаруженный нами в читинском архиве, утверждает, что Черницын распространил на Нерчинских заводах «кольванские порядки». Порядок, учрежденный им, долгое время оставался неизменным, что, впрочем, не удивительно, учитывая, что в дальнейшем главными начальниками Нерчинских заводов будут А.С. Аистов (1818–1820) и Т.С. Бурнашев (1812–1828), выходцы с Алтая.

В 1797 г. впервые с начала серебро-свинцового производства в Нерчинских заводах рудные месторождения были описаны в ходе официального осмотра, проведенного комиссией, куда входили обер-бергмейстеры Черницын и Томилов, обер-гиттенфервалтеры Рычков и Колегов. Эти материалы использовала комиссия 1852–1853 гг., в отчете которой указывается, что благодаря «старинным описаниям» и новым данным можно составить полную картину истории «рудокопного дела Нерчинского» [22, л. 1, 48]. До Черницына в отчетах показывали только массу добытых руд, но с 1800 г. начинают систематически указывать содержание металлов в рудах, как общим количеством во всей добытой руде, так и содержание металлов в пуде руды. В распределении горных работников был наведен больший порядок. От работ освобождались «немошные» и «увечные», чтобы казна не несла лишних расходов по их содержанию. Другое улучшение коснулось эксплуатации ссыльных каторжников, которых стали отправлять в работы, кроме негодных по физическому состоянию и раздельно от работников.

Автор «Сибири и каторги» так отозвался о нем: «... кривой Черницын, был настолько жесток, что не ходил и не ездил без плети. В дороге требовал, чтоб его везли не иначе, как вскачь, и если ямщик останавливался, он сам выходил из экипажа и производил собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало под ним; много страху и всяких обид натерпелись от него все, над кем ему доводила судьба начальствовать.

Раз вскинулся на крестьянина за то, что тот во время разговора с помощником его, обратился к самому Черницыну спиной, и избил его так, что невинный крестьянин через два дня умер» [12, с. 13].

Вначале Черницыну удалось повысить производительность Нерчинских заводов с 283 пуд. в 1797 г. до 338 пуд. в 1799 г., но сделал он это за счет добычи самых лучших запасов руд, пренебрегая соразмерной проплавкой убогих и богатых руд, но когда первые истощились, производство снизилось до 192 пуд. в 1800 г. [1, л. 1], т.е. на треть меньше, чем при вступлении в должность начальника Нерчинских заводов. Системой жестких административных мер в 1801 г. ему удалось поднять производство, но на немного – чуть более 200 пуд.

Трехлетнее правление И.И. Эллерса (1803–1806) не было ничем примечательно, если не считать его последующее назначение на должность главного начальника КВЗ (1809–1817). Так было положено начало практики назначения главных начальников Нерчинских заводов на Алтай на повышение.

С начала XIX в. за двадцатилетие, начиная с Черницына, на Нерчинских заводах сменилось пять главных начальников, однако никто из них не смог предотвратить хроническую убыточность заводов. В 1817 г. главным начальником КВЗ стал П.К. Фролов. По его рекомендации управлять Нерчинскими заводами был поставлен Т.С. Бурнашев (1821–1828). В его правление Нерчинские заводы показали небольшую прибыль.

М.М. Сперанский, посетивший в ходе своей ревизии Сибири и Нерчинские заводы, главным начальником которых тогда и был Бурнашев, высказал мнение, что «по малости прибылей и скудости самого края не заслуживают они больших издержек – одно только есть уважение, заставляющее по крайней мере некоторое время их поддерживать, – это не серебро, а свинец, произведение, необходимое для Колыванских заводов» [23, с. 119]. Если примерно с 1790 по 1820 г. в поиске новых подходов Кабинет колебался, ограничить ли производство Нерчинских заводов объемом добываемых руд или, напротив, увеличив количество плавильных печей, увеличить и производство, то отзыв М.М. Сперанского укрепил сомнения Кабинета в возможности «поставить заводское дело в Нерчинском крае на желательную высоту». Вследствие этого на генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского была рескриптом императора в 1827 г. была наложена обязанность провести подробную ревизию заводов с целью выяснить причины плохого положения заводов, выработать меры для их «поднятия» и улучшения положения крестьян. Перед началом ревизии Бурнашев был удален с должности начальника. Лавинский, проведя около трех месяцев в Нерчинском краю, нашел заводы в полном упадке.

В 1830 г. Кабинет навязал Министерству финансов аренду Алтайского и Нерчинского горных округов. В

том же году «по отдаленности Нерчинских заводов» они были переданы в управление губернатору Восточной Сибири как их главному начальнику. Заметим, что главный начальник Колывано-Воскресенских заводов совмещал должность Томского гражданского губернатора с 1822 г.

Условия аренды заставляли Министерство финансов искать иные источники доходов, в итоге была создана новая отрасль горного дела на Алтае – золотодобыча. Главным начальником Колывано-Воскресенского горного округа стал Е.П. Ковалевский (1830–1835), имевший опыт разработки песчаного золота на Урале.

Решение о поиске золотоносных песков на Нерчинских заводах было принято в 1831 г. Каждый управляющий заводом был обязан обследовать заводскую окрестность «экономическими средствами», т.е. за счет сумм, ассигнованных на функционирование завода. Дальнейшая практика показала, что это решение было ошибкой: управляющие выделяли немного денег, да и поиски велись наудачу. В 1836 г. главноуправляющий горным корпусом Чевкин в ходе ревизии Нерчинских заводов приказал усилить разведки, и число поисковых партий сразу увеличилось, но результатов по-прежнему не было. Выражаясь словами архивного источника, «1838 год составляет эпоху в Нерчинском заводском производстве». В этом году управляющий Шилкинским заводом Павлуцкий открыл золото в долине р. Каре, притоке Шилки.

С.П. Татаринов, главный начальник Нерчинских заводов (1830–1840), входил в состав ревизионной комиссии губернатора Восточной Сибири Лавинского, ему и пришлось на практике реализовать рекомендации комиссии. Татаринов писал: «Упадок, при строгом рассмотрении его, произошел не от умышленности, нерадения или неусердия к пользе службы, а единственно от того, что тамошний отдаленный край, не имея никакого сообщения с другими горными заведениями, не мог заимствоваться новыми изобретениями и руководствоваться истинными правилами, согласующимися с горным и заводским искусствами» [23, с. 235].

В течение десятилетия начальник Татаринов ввел много улучшений, в том числе дробление и промывку руд, их обжиг, провел опыты проплавки убогих серебряных руд предварительно на роштейн, наконец, заменил старые сереброразделительные галиды, устроенные еще в начале XVIII в. греческими мастерами, на трейбофены.

Когда в 1836 г. главноуправляющий горного корпуса Чевкин посетил Нерчинский округ с ревизией, он был удручен состоянием заводов. «Плотины сии, существеннейшее в заводе устройство, вообще дурны», – отметил он [24, л. 212]. Заводские плотины были низкими, расчисткой и углублением прудов не занимались. Лари и водопроводные каналы, по кото-

рым прудовая вода подавалась на колеса, никогда не предохранялись от замерзания в отличие от Алтая. При всем этом количество воды, спускаемое на колеса, было избыточным, что препятствовало вращению колеса, расточительно уменьшало скоп воды в плотине и сокращало время водяного действия завода.

Время продолжения плавки было неодинаковое как на разных заводах, так и в отдельно взятом заводе в разные годы. По разрозненным данным самый короткий период годового действия, 127 суток, был у Дучарского завода в 1850 г. Круглый год действовали Нерчинский и Александровский заводы в 1849 г., но, к примеру, 1852 г. выдался засушливым, и Нерчинский завод работал 214 суток, а Александровский – 231 сутки. Повышение плотин привело к относительному успеху. Если в 1831–1840 гг. заводы действовали в среднем 150 суток, то с 1841 по 1853 г. – уже 208 суток [25, л. 42об.], т.е. если ранее заводы работали менее полугода, то теперь более полугода. Заводы обычно задували печи в середине апреля, стараясь вести плавку усиленно до октября, остальное же время года плавили по необходимости, только лишь бы выполнить наряд, не считаясь с угарами. Плавка поздней осенью и в зимние месяцы шла с использованием тягловой силы лошадей и быков, как следствие, характеризовалась прерывистостью и слабостью дутья и была сопряжена со значительными угарами.

В 1841 г. Татаринов был переведен на должность главного начальника Алтайского горного округа. На должность горного начальника Нерчинского горного округа назначили полковника Родственного, который был переведен весной 1841 г. с Алтая [26, л. 98]. Родственный стал действовать с большей настойчивостью, стремился усилить контроль, но изменить общую ситуацию не смог.

На Алтае Министерство финансов провело целую серию опытов улучшения сереброплавильного производства. Особенно интенсивно эти опыты проводились в течение 40-х гг. XIX в., наблюдалось снижение производственного брака на 10% и умеренный прогресс отрасли [27, с. 55].

В рамках мер Второго Сибирского комитета по наведению порядка в управлении Сибири в 1847 г. последовало два назначения: П.П. Аносова на должность главного начальника Алтайского горного округа, Н.Н. Муравьева – на должность генерал-губернатора Восточной Сибири. Аносов начал ревизию заводов с выявления нерешенных и залежавшихся дел. Также в материалах ревизии мы видим ряд претензий к непосредственным подчиненным, например, управляющему Салаирским краем А.Е. Фрезе в том, что он подмешивал в руду пустую породу, чтобы выставить большие объемы добычи, соответственно, и большие затраты, чем реально было сделано. Из-за несчастного случая П.П. Аносов скончался в Омске весной 1852 г. Он не успел выполнить свою программу действий.

В 1848 г. Н.Н. Муравьев посетил с ревизией Нерчинские заводы. К тому времени стабилизировалась ситуация, при которой семь заводов округа выполняли ежегодный наряд всего лишь в 200 пудов серебра (меньше, чем отдельно взятые Барнаульский, Павловский или Локтевский заводы на Алтае). Заводы приносили хронические убытки. Поскольку Нерчинский горный округ находился в аренде у Министерства финансов, сложилась благоприятная обстановка для размежевания государственных интересов с ведомственными интересами Кабинета. Это выразилось в переброске контингента рабочих с рудников на прииски; ревизии счетов Нерчинского горного правления и в мерах по новому административному делению Нерчинского горного округа; в деятельности геологической комиссии, доказавшей благонадежность месторождений округа.

Ревизия заводских сумм Нерчинских заводов вскрыла беспорядки и казнокрадство. Лицами, «прикосновенными» к делам о беспорядках и злоупотреблениях, считались 58 человек от высших лиц горного правления до писцов. Их повышение в чинах было приостановлено в связи с пребыванием под следствием. Злоупотребления сложились вокруг завышения цен на поставки провианта. Годовая потребность Нерчинских заводов в провианте составляла порядка 250 тыс. пуд., в самом округе могли заготовить до 195 тыс. пуд. хлеба, остальное количество покупали в Верхнеудинске. Горный начальник Родственный был отправлен в отставку. Находясь еще под следствием, он самовольно уехал в Иркутск, чем избавил себя от преследований.

Управление заводами полковника Ковригина, исполнявшего должность горного начальника в 1850 г., было кратковременно, он тоже оказался замешан в злоупотреблениях. В июле вместо него вступил исполняющим должность горного начальника Нерчинских заводов подполковник Разгильдеев, успешно подвизавшийся с 1850 г. на Каре в должности управляющего золотыми промыслами. Автор «Сибири и каторги» ехидно заметил: «Добыча золота представлялась во всем привлекательном соблазне под впечатлениями надежд и обещаний, исходивших от горного начальника г. Разгильдеева» [12, с. 354]. И действительно, в 1849 г. было получено 24% пуда лигатурного золота, в 1850 г. – 72 пуд., в 1851 г. – 61 пуд, 1852 – 68 пуд. [28, л. 33об.].

В июне 1852 г. в исполнение распоряжения генерал-губернатора Восточной Сибири Нерчинское заводское управление было разделено на три округа: Александровский, Шилкинский и Петровский. Мы усматриваем, что целью этой меры был удар по сложившейся на Нерчинских заводах ситуации со злоупотреблениями.

Вряд ли правомерно приписывать Н.Н. Муравьеву сокращение сереброплавильного производства

на Нерчинских заводах, потому что, начиная еще с 1790-х гг. оттуда в Петербург шли резкие на скудость руд. Сокращение сереброплавильного производства было вызвано крайне неудовлетворительной технической постановкой дела: большим расходом горючего, малым содержанием в руде серебра и свинца из-за неудовлетворительной постановки обогащения на рудниках, крайне малыми размерами плавильных печей. Несмотря на дешевизну кубической сажени добытой руды, горное дело приносило убытки по следующим причинам: слишком большое количество разведочных и подготовительных работ; накопление бедных руд в результате погони за лучшими рудами и разбросанность работ, невозможность сконцентрировать рабочую силу в одном месте [29, л. 13–16об.].

В 1853 г. в Нерчинском горном округе работала авторитетная комиссия под руководством Озерского, фон Фитингофа и Эйхвальда, доказавшая благонадёжность месторождений Нерчинского горного округа. Результатом ее работы стало полное описание всех мест добычи. «Не все брошенные рудники были выработаны начисто, но многие из них разрабатывались безо всякого соблюдения правил и экономии, и ...исследованы на небольшие протяжения там, где беглая, поверхностная и нередко ошибочная разведка указывала, по-видимому, на выходы богатых руд» [30, л. 1–1об.], – указывалось в материалах комиссии.

В результате мер Н.Н. Муравьева-Амурского, согласованных с его знаменитой деятельностью в области внешней политики, 29 тыс. нерчинских приписных крестьян были записаны в пешие казаки Амурского войска. В 1850 г. Нерчинские заводы последний раз послали свинец на Алтай. С этого года Барнаульский, Павловский, Локтевский и Змеевский заводы выплавляли ежегодно 40,5 тыс. пуд. свинца.

С нашей точки зрения, помимо собственных интересов арендатора в период аренды кабинетских горных округов Сибири Министерство финансов успешно реализовало ряд общегосударственных стратегий. Прежде всего, в рамках кадровой реформы 1834 г. на горную службу были привлечены дворяне из внутренних губерний империи, чего не удавалось сделать после указа 1762 г. о вольности дворянства. Барнаул был

превращен в «золотое депо» Сибири, сюда стекалось все золото с казенных и частных приисков, и меры Н.Н. Муравьева-Амурского в Нерчинском горном округе только потому согласовывались с этой стратегией, что были ее органичным воплощением. Нельзя сказать, что с закрытием сереброплавильных заводов взаимоотношения Алтайских и Нерчинских заводов прекратились. После службы в Нерчинском горном округе в должность главного начальника Алтайского горного округа были повышены А.Н. Озерский, а позже Ю.И. Эйхвальд.

Взаимоотношения между округами определялись однородным уровнем развития производства и единой ведомственной подчиненностью. Характерно также, что тон этим взаимоотношениям задавали именно Кольвано-Воскресенские (Алтайские) заводы и Кабинет. В череде указанных событий, которые, как оказывается, хорошо согласуются друг с другом, мы усматриваем ряд принципиальных рубежей:

1) в 1746–1764 гг. у Нерчинских заводов не было обязанности поставки свинца для КВЗ;

2) в 1764–1784 гг. Берг-коллегия старалась ни в чем не уступать Кабинету, хотя ресурсные возможности Нерчинских заводов и прежде всего численность населения была намного меньше, чем на Алтае;

3) в 1785–1806 гг. на КВЗ проводились принципиальные реформы горного дела и металлургии, чтобы приспособить промышленность к более бедным рудам. Это вызвало увеличение потребления нерчинского свинца. Тот факт, что Нерчинские заводы по губернской реформе не подчинялись больше Берг-коллегии, облегчил их взятие в ведомство Кабинета;

4) в 1807–1830 гг. сложилась схема «Алтайские заводы своими прибылями покрывают убытки заводов Нерчинских»;

5) в 1830–1850 гг. была окончательно доказана бесперспективность технических улучшений на Нерчинских заводах, после чего на серебросвинцовой промышленности Восточного Забайкалья фактически был поставлен крест и, как следствие поставки свинца на Алтай прекратились. Поставки нерчинского свинца были основой для производственных отношений обоих кабинетских округов.

Библиографический список

1. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). – Ф. 31. – Оп. 2. – Д. 795.
2. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 379.
3. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 270.
4. 200-летие Кабинета его императорского величества. Историческое исследование. 1704–1904. – СПб., 1911.
5. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3.
6. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 20.
7. Зябловский, Е. Статистическое описание Российской Империи в нынешнем ее состоянии / Е. Зябловский. – СПб., 1808. – Кн. 2.

8. Русский архив. – М., 1863.
9. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 482.
10. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 375.
11. Гришаев, В.Ф. Алтайские горные инженеры / В.Ф. Гришаев. – Барнаул, 1999.
12. Максимов, С. Сибирь и каторга / С. Максимов – СПб., 1871. – Ч. III.
13. Лоранский, А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России в 1700–1900 гг. / А.М. Лоранский. – СПб., 1900.
14. Кулибин, А.И. Описание Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 год / А.И. Кулибин // Алтай в трудах ученых

ИСТОРИЯ

и путешественников XVIII – начала XX веков. – Барнаул, 2005.

15. Гривнак, К. Рудные месторождения Алтая / К. Гривнак // Горный журнал. – 1875. – Т. 2. – №6.
16. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3323.
17. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3273.
18. ЦХАФ АК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 390.
19. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 310.
20. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 262.
21. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3514.
22. ГАЧО. – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 2324.
23. Высочайше утвержденная под председательством

статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области. – СПб., 1898. – Вып. 5.

24. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1165.
25. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 2323.
26. ГАЧО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 1298.
27. Иосса 1-й. Некоторые замечания относительно горнозаводского дела в Саксонии в настоящее время / Иосса 1-й // Горный журнал. – 1851. – Ч. I.
28. ГАЧО. – Ф. 70. – Оп. 2. – Д. 401.
29. ГАЧО. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 31.
30. ГАЧО. – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 28.